

В. И. РУБЦОВ

РАЗОРУЖЕНИЕ БЕЛОКАЗАЧЬИХ ПОЕЗДОВ

Моя родина — гор. Уфа. Там я родился и вырос. Мой отец был рабочим и работал слесарем на заводе Меклера. Получал он 7 рублей в месяц. У отца было двенадцать человек детей. Учился я всего только один месяц, а затем он определил меня на завод: подвозить опилки на тачке к машинному отделению. Потом, когда мне исполнилось десять лет, отец устроил меня в депо черно-рабочим, а затем слесарем.

В конце 1917 года в Уфе большевиками был организован митинг, на котором рабочие призывались вступать в Красную гвардию боевых дружин железнодорожников. Вскоре я вступил в боевую дружину, а затем и в большевистскую партию.

В Уфе я познакомился с руководителями красных партизан — Зенцовым, Михаилом Дьяконовым, Тумановым, Захаровым, Александром Чеверевым, Михаилом Кадомцевым и другими.

Чаще всего я сталкивался по работе, которую проводили партизаны, с С. С. Черновым, смелым и находчивым партизаном.

В то время, начиная с декабря 1917 года, с фронта возвращались казаки. Они везли с собой в большом количестве оружие и боевое снаряжение.

Наша Уфимская железнодорожная боевая дружина имела указание от В. И. Ленина — принять решительные меры к полному разоружению казаков, предлагая эшелонам добровольно сдать все оружие и военное снаряжение.

Те эшелоны, которые не хотели сдавать оружие добровольно, наша боевая дружина в количестве 15 человек — С. С. Чернов, В. И. Рубцов, отец, сын и дочь Алексеевы, Чистоступов, Александров (кондуктор), Иван Ан-

тонов и другие товарищи, загоняла в тупик под видом направления их дальше, а потом принимала принудительные меры для их разоружения, предварительно расставив пулеметы и орудия.

Иногда С. С. Чернов и я вбегали в вагон и категорически требовали сдать оружие. Чаще всего казаки упорно отказывались это сделать.

Случалось и так, что казаки выбрасывали нас из вагона.

Тогда Чернов кричал: «Рубцов, за мной!» — и мы бежали в следующие вагоны. Пропустив два—три вагона, мы опять взбирались в вагон и давали команду сдать оружие. Если этим путем нам не удавалось убедить казаков, мы бежали к начальнику штаба Дмитрию Краснову, докладывали ему, что без применения принудительных мер эшелон разоружить нельзя. Краснов во что бы то ни стало требовал выполнения задания В. И. Ленина. Тогда мы действовали по-другому.

Сергеем Черновым был намечен и согласован с членами боевой дружины такой план по разоружению казаков: мы отправлялись в паровозное депо, садились на паровоз машиниста Селезнева; Чернов давал машинисту команду выехать на стрелку. По сигналу котельщика Алексева паровоз прицепляли к эшелону и отправляли его в тупик, к зданию железнодорожной больницы. Затем Чернов с товарищами из боевой дружины, расставив пулеметы на пригорке сзади здания железнодорожной больницы, давали команду открыть огонь по крышам эшелона из пулеметов (пулеметчиками были сын Алексева и его дочь Маруся). Тогда казаки обычно высылали делегацию с заявлением, что они сдают оружие добровольно.

Те эшелоны, которые мы не могли разоружить, направляли на станции Миньяр, Усть-Катавская и Аша-Балашовская, а вслед давали депешу начальника боевых дружин указанных железнодорожных станций (депешу посылал Сергей Галкин), в которой указывалось: «Встретить эшелон и принять меры к его разоружению».

